

ЗАШИСКИ

**ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

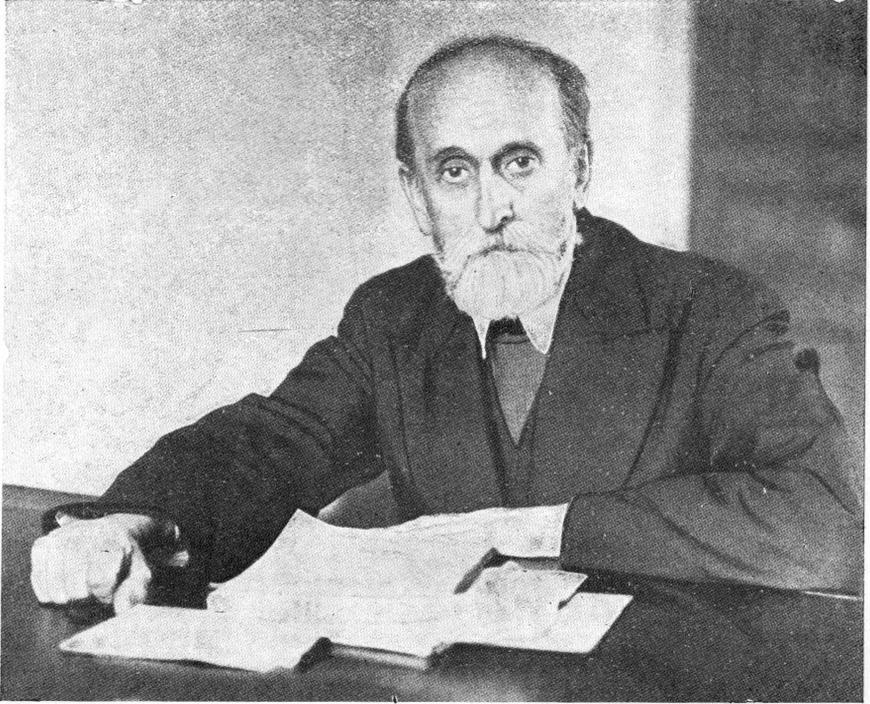
IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1955

ЛЕНИНГРАД

Сенат. Кузнецов

Академик В. М. АЛЕКСЕЕВ

Сергей Федорович Ольденбург как организатор и руководитель наших ориенталистов

I

Есть люди, о которых вспоминают с усилием во дни официальных юбилеев или похорон. О других, наоборот, и в тех и в иных случаях вспомнить не только легко и просто, но надо сделать усилие в совершенно обратном направлении, а именно, дать наплыву своих воспоминаний определенную тему, обрамить их, оформить, сделать их более узкими, но зато и более четкими. Воспоминания о таких людях пишутся целым коллективом, но и им не всегда исчерпываются. Воспоминания такого именно рода относятся к С. Ф. Ольденбургу, тем более, что, даже сузив свою тему до пределов и таким образом устранив из нее все элементы широкой темы об общеорганизаторской научной деятельности С. Ф. (темы, которая равносильна полной его биографии), я все-таки рискую упустить из вида и памяти очень многое существенное, и только то счастливое для меня обстоятельство, что я выступаю со своим очерком после ряда юбилейных речей-статей Н. Я. Марра, Ф. И. Щербатского, М. К. Азадовского и особенно после исключительных по эмоции и выразительности речей И. А. Орбели, — только оно вселяет в меня некоторую надежду, что, действуя в этом коллективе, я более, нежели в другой комбинации, свободен от упреков; кроме того, выступавший недавно и выступающий в сегодняшнем заседании коллективы и дополняли и дополняют меня, легко превзойдя меня и в яркости и в определенности образа отошедшего от нас нашего руководителя. И все-таки я убежден, что даже после наших речей каждый из ориенталистов, который был так или иначе связан с покойным (а таковых определенное большинство), может на эту же мою тему распространиться, наверное, не меньше меня, тем более, что в нее и я, как и всякий другой, принужден внести много мемуарных элементов, научное подтверждение которых будет,

повторяю еще раз, видно в нашей коллективной оценке жизни и деятельности покойного ориенталиста, которого я лично знал 32 года, и таким образом свой мемуарный охват начну с 1902 г.

II

В девятисотых годах востоковедная жизнь начиналась и сосредоточивалась в Петербурге на так называвшемся факультете восточных языков С.-Петербургского университета. Этот факультет, история которого столь подробно и блестяще написана покойным академиком В. В. Бартольдом, как известно, имел довольно сложную и в общем противоречивую конституцию, ибо, с одной стороны, это был факультет университета и, как таковой, должен был жить общеуниверситетскою жизнью науки, с другой же, это было учреждение восточных языков, нужное правительству для выработки дипломатов и администраторов. В соответствии с этой двойственностью, которая впрочем вряд ли была известна как таковая русскому тогдашнему общественному мнению, — и профессора и студенты факультета были двух родов, с явным преобладанием, по указанным мною основаниям, практических дельцов, готовых учить чему угодно и изучать что угодно, лишь бы выдать или получить нужный для «жизни» диплом.¹

Кроме того, увлекательная и в то же время научно-доброкачественная литература по Востоку в то время почти отсутствовала (я, как и в дальнейшем, буду иметь в виду главным образом свою специальность китаиста), и не удивительно, что на факультет являлись люди, не прочитавшие предварительно о Востоке ни строчки, или ограничившие свои знания о Востоке опереттами «Гейша» или «Сын мандарина», романом «Сад пыток» Мирбо, Клодом Фаррером и т. д. Однако, наряду с этим большинством, приходили на факультет и более серьезные люди типа, например, проф. В. А. Жуковского (в юности), о котором говорит в своем превосходном некрологе С. Ф. (стр. 2041) и который подходил в Востоку от так или иначе продуманного Запада. Но это были редкие единицы.

Двойственный факультет, являвшийся большим диссонансом в общей университетской схеме, обрабатывал поступающую молодежь в двух направлениях, с преимуществом одного перед другим, вызываемого наличностью тех или других профессоров: с одной стороны, читались источники, с другой же — канцелярская шаблонная переписка.

¹ Так, например, я поступил на факультет в 1898 г. в компании 85 молодых карьеристов, мечтавших о карьере конквистадоров в Манчжурии.

Язык понимался, во всяком случае, как некое самодовлеющее целое, как предмет, всем ясный и понятный, причем противоположные друг другу процессы обучения языку и изучения языка были соединены в одно, чему много способствовал случайный подбор лекторов, из которых редкий вполне обладал надлежащими способностями и надлежащим искусством. Таким образом, даже в своей научной части «язык» преподавался с весьма элементарными филологическими, историческими, лингвистическими, искусствоведческими и т. д. методами.¹ При этом сами методы преподавания восточных языков только что начинали вызывать сомнения, которые, кстати сказать, длятся и до сих пор, выражаясь в ежегодно и по многу раз обсуждаемых программах и методах, хотя общий девиз: «элементарным людям (поступающим на факультет) только элементарное» продолжал и продолжает господствовать у большинства профессоров, убежденных в том, что за настоящею наукою, после надлежащего отсева, придут в конце курса наименее элементарные.

Факультет оперировал с нами гимназическим порядком, что подчас определенно высказывалось на первой же лекции.² Грамматика плюс словарь плюс перевод из года в год повторявшихся текстов — вот какова была наша учебная программа, отличавшаяся от гимназии лишь качеством словарей и грамматик, которые значительно уступали тем пособиям, к которым мы привыкали при изучении классических языков.³

После этого учебного *laissez faire* наступало для серьезного ориенталиста, оставляемого обычно при факультете «для подготовки к профессорскому званию» — ученое *laissez faire*, которое выражалось в свободном избрании дальнейшей специальности вплоть до магистрантского экзамена и появления на факультете мало кому известного лица. Востоковедение мыслилось как дисциплина всем ясная и понятная, на основе состава трудно поддающихся изучению восточных языков, и к реформам факультета на иных основаниях до 1905 г. не приступали.

¹ Все это, повторяю, говорится мною в аспекте больших цифр, и в предположении, что даже блестящие школы В. Р. Розена, П. К. Коковцова, Н. Я. Марра, П. М. Мелиоранского оказывали должное воздействие уже вне университетской аудитории.

² С этого утверждения начал был курс китайского языка в 1898 г., когда я поступил на факультет.

³ «Китайская грамматика» Иакинфа Бичурина, не говоря о прочих, была лишь кариатурой на известные мне с детства грамматики латинского и греческого языков; «Китайско-русский Словарь П. Кафарова и П. Попова» не выдерживал никакой критики по сравнению с большими греческо-русскими словарями того времени (Вейсман, Поспишил). Про издания классических текстов я уже не говорю.

Таким образом, в жизнь вступали новые поколения, которые, в общем, повторяли поколения предыдущие. — Я попрежнему прошу помнить, что говорю языком только больших и круглых цифр и ориентируюсь на более прочих известные мне отделы востоковедения. — А когда молодой ученый появлялся в ученом обществе, особенно в Восточном отделении императорского Русского археологического общества, он заставлял там считку ученых статей, сопровождающихся мелкими замечаниями, которые обычно не касались существа дела, и полное самодержавное самоутверждение специалиста было общим правилом.¹ Доклад, про себя в кабинете продуманный, как бы про себя же и прочитывался вслух. Общественное научное мнение инкорпорировало новую единицу, добавляя ее к коллекции таких же отдельных единиц, и, пожалуй, этим и ограничивалось. К оценкам специалистов прислушивались с преувеличенным вниманием, за них прятались, особенно в трудных случаях... *Laissez faire* царствовало нераздельно и неразлучно. Школы включали в себя только специалистов по данному восточному языку, и общий научный язык, если не считать специалистов, сгруппированных тогдашней принудительной факультетской программой (напр. арабско-персидско-турецко-татарского или китайско-монголо-маньчжурского отделений) как бы отсутствовал. В общем, создавалось такое впечатление, что аудитории нас разобщали, а заседания ученых обществ не объединяли. Один иностранный очень известный ученый ориенталист, хорошо знавший наши порядки, много им удивлялся и говорил, что он бы при них существовать не мог.

Таким образом, вся ставка русского востоковедения была на личности, создававшие свое имя главным образом в печатных трудах, индивидуальным порядком и почти вне общения. Общественное мнение требовало от старших специалистов формального отзыва, главным образом, о познаниях магистранта в языке, считая, что его научное умение будет доказано в дальнейших диссертациях. Но и после них, в суждениях и оценках старших элемент знания всегда доминировал над элементом умения, и под флагом «он знает» могло проходить многое, с научной точки зрения предосудительное.

Единственно, пожалуй, что так или иначе единило ориенталистов, это было отношение к Востоку и Западу. Так, у одних групп было отношение в Востоку как бы покровительственное. Восток был как бы обрабатываемым пациентом, к которому снисходит данный русский ученый.² Эти группы

¹ Даже в выступлениях коллектива ученых по тому или другому вопросу специалист был независим.

² См., например, охарактеризованное С. Ф.-чем отношение к Востоку Ханькова, на стр. 2048 его очерка-некролога о В. А. Жуковском.

считали себя европейцами, не подлежащими восточной контаминации, и от Востока достаточно иммунизированными. Восток был материалом для переработки и перегонки в западные формы. Другие группы, наоборот, подвергались, или вернее подвергали себя полной контаминации, становились патриотами изучаемой страны и считали знание ее языка вообще единственным мерилем всех научных ценностей.¹ Таким образом, наслаение ориентализма на интеллект изучающего происходило как бы в двух фазах: в фазисе надстройки и в фазисе фундамента. Но и в той и в другой группе русских ориенталистов высокомерие было едва ли не господствующим мотивом; оно было, к тому же, едва ли не соединено, в особенности в отдельных примерах, с общим основным дилетантством в области европейской культуры, дилетантством, иногда близившимся к *tabula rasa*.

Вообще, отношения русских ученых к Востоку и к изучающему его Западу были часто совершенно ненормальными. Так, с одной стороны, высокомерное пренебрежение к западным собратьям доходило иногда до того, что русский ориенталист издавал вещи, слишком явно уступавшие западным и давным-давно там изжитые,² с другой стороны, наоборот, явно предпочитал присоединиться к западной обработке восточных материалов, включая сюда и соответствующую идеологию.³

Вся эта *double anarchic* (по выражению французских писателей о России) вряд ли была так безобидна. В некоторых некрологах, принадлежащих Сергею Федоровичу, встречаются весьма красноречивые нарекания, и просто жалобы на русскую анархическую, беспомощную в слишком многих отношениях науку. Так, в некрологе В. А. Жуковского (стр. 2060) он жалуется на русских ученых, страдающих от «чересчур широкой постановки своих работ, которые слишком часто приводят к тому, что или ученый умирает, оставляя великолепный, но незаконченный фундамент, на котором другие не могут строить, или просто распыляет свою ученую деятельность

¹ С. Ф. в своем весьма мастерском очерке деятельности акад. В. П. Васильева (Изв. АН, 1918, № 7, стр. 533) отмечает совет наставника В. П. проф. Ковалевского «хранить беспристрастие, необходимое для научной работы, и не делаться ни «китайским патриотом», ни «китаененавистником». — Инструкция, повидимому, исходила из живых фактов.

² Таковы, например, учебные издания «Китайских хрестоматий» (3 части) примечаний и переводов к ним проф. В. П. Васильева, неизмеримо отстававшие от английских изданий и переводов, доселе сохраняющих свое значение (Legge, Chinese Classics, изд. с 1861 г.). Однако, как известно, бывали примеры и другого порядка, когда, наоборот, русские издания по востоковедению опережали западные (хрестоматия Розена и Гиргаса). Вообще, в тогдашнем калейдоскопе ориенталистов нелегко проследить общую линию.

³ Таковы мечтательные книги проф. С. М. Георгиевского. По свидетельству С. Ф-ча (в некрологе А. О. Ивановского), А. О., в конце концов, отошел от влияния на него В. П. Васильева и усвоил себе исключительно европейскую ориентацию.

так, что потом и сам ничего цельного и большого собрать не может». Цитирую С. Ф. без оговорок, ибо нельзя было лучше выразить этой горькой истины. В одном из некрологов акад. Васильева¹ он начинает свое трагическое повествование об этом столь крупном и столь несчастном ученом с не менее вещих слов о русской науке: «Жуткое чувство, пишет С. Ф., испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России: смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд, все это встречается с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды „первых“ томов, „первых“ выпусков, которые никогда не имели преемников: широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, незаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог».

Из этой скорбной песни точно так же ни слова не выкинешь. Таким образом, русское востоковедение в своем центральном местопребывании разделяло общую судьбу тогдашней русской культуры, шедшей как бы толчками и скачками, порой весьма анархическими путями, и намывавшей какие-то мели для какой-то постройки, но с таким же чувством их же и размывавшей.

К этому следует еще прибавить, что на факультете заседали, едва ли не в большинстве, ученые люди с весьма обывательским кругозором, заботившиеся о своей и о русской науке вообще гораздо меньше, нежели о своем буржуазном благополучии, поэтизирующем вещи и удобства, а их голос иногда доминировал среди голосов либералов-прогрессистов, составлявших передовую группу. Эти люди, державшие в своих руках судьбы своих преемников, не могли способствовать вырастанию русской науки из полосы постоянных ее катастроф, столь метко и с таким чувством описанных не раз С. Ф.-чем.

III

Отсюда ясно, что делу могли помочь лишь надлежащие организаторы, борцы за научную идею, независимо от ее материала и приложения, люди синтеза, воли и особо прирожденной деликатности, которая позволяла бы, ничем не раздражая сурков, готовых сейчас же реагировать на раздражение бесповоротным уходом в свои норы, все же добиваться от них какого-то общественного служения, во имя некоторого единства науки и научной

¹ Изв. РАН, 1918, № 7, стр. 53.

деятельности. Вот эту именно роль организатора русского востоковедения и взял на себя С. Ф., взял ее на всю жизнь, которая могла, ведь, при его исключительных дарованиях, расцвести в его индивидуальной сосредоточенности всеми яркими цветами громадного научного творчества, но была принесена вся целиком в жертву всем другим, всем нам.

Правда, в университете к этому времени С. Ф. уже не преподавал, и вводные курсы, предназначавшиеся для напутствования и руководства востоковедов, были поручены весьма почтенному ученому археологу, но лектору без всякого, даже элементарного дарования и без какого-либо подхода к ежегодно обновлявшейся аудитории. Можно определенно утверждать, что если бы эти курсы взял на себя С. Ф., то очень много талантливых юношей, бежавших опрометью из наших скучных, тусклых, бездушных аудиторий, были бы спасены и направлены к научному чувству, к научному вдохновению, к научной работе.

Организатор по призванию и темпераменту, С. Ф. прежде всего с большою настойчивостью и с редкой у нас инициативой, которая была порой чрезвычайно трудною и щекотливой, добивался регулярных связей со старшим поколением востоковедов, о котором он неоднократно писал с большим иногда, пожалуй, преувеличенным уважением хорошо и тепло. «Это было поколение, — пишет он в своем первом некрологе акад. В. П. Васильева,¹ — открывшее целый дотоле неведомый мир, столь отличный от западного, что изучение его часто налагало на мышление исследователей совершенно своеобразный отпечаток. Для того чтобы хоть сколько-нибудь понять этот мир и войти в него, требовалось такое разнообразие и такая широта знания, что нам теперь представить себе трудно, как отдельный человек был в состоянии овладеть таким материалом. Но если бы мы стали судить ученых этого поколения на наши современные мерки, мы бы легко впали в ошибку и не поняли бы громадных заслуг этих людей перед наукою». Отдавая таким образом должное статическому знанию, С. Ф., однако, признавал за ним и более деятельную ориентацию на научное умение европейского типа. Так, в своей «попытке характеристики деятельности ученого» (В. А. Жуковского) (стр. 2060) он отмечает не без понятного удивления, как «этот русский из русских был, как нам приходилось не раз отмечать, гораздо ближе многими своими чертами как ученый к западным своим товарищам,² чем к своим соотечественникам. В этом отношении

¹ Некролог читан в заседании Академии Наук 13 мая 1900 г., тотчас после смерти академика, и напечатан в «Зап. Вост. отд. Русск. археол. общества», т. XIII.

² Что не мешало, однако, по свидетельству современников, этому ученому переписываться со своими английскими коллегами... по-персидски.

он напоминал и старых русских востоковедов, которые были, несомненно, «западнее» своих преемников последнего времени». Во всяком случае, С. Ф. относился к своим учителям и старшим с совершенно исключительным вниманием, желая их преемствовать достойно, а не высказывая каким-либо парадоксальным *homo novus*, подлежащим трудному, медленному, не всегда окончательному освоению окружающую его научной средой. Он искал с ними наибольшего сближения и, при их утере, сейчас же откликнулся необыкновенно прочувствованными некрологами.¹ Так, он старался сблизиться с угрюмым и тяжелым по характеру, но большим ученым буддологом акад. В. П. Васильевым, и не без грусти можно читать его скорбные строки в «Очерке памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму»² (стр. 538). «Я хорошо помню — пишет он — как ошеломляюще действовал его безбрежный скептицизм на наши молодые умы и как невольно рождался протест против этого бесплодного, убивавшего творчество отрицания».³ И тем не менее, С. Ф., и только он, понял до конца всю трагедию жизни этого ученого, переведа загадочный язык его убеждений в понятную и полную значения речь, написав о нем ряд некрологов, свидетельствующих об осуществившейся, несмотря ни на что, их связи, связи учителя с учеником и друга с другом. Другой пример такой трудно дающейся и тяжелою ценой покупаемой связи с учителем дает нам история его долголетнего общения со знаменитым нашим прагматом и его ближайшим учителем академиком К. Г. Залеманом, о котором мы все слишком часто слышали от него теплые искренние слова, чтобы забыть их на общем фоне отношений этих двух столь противоположных и противоположенных к дружбе людей. Он считал этого ученого, преподававшего лишь крайне редким единицам, притом далеко не каждый год навещающим его аудиторию, образцовым учителем и ученым, преемство которому считал своею честью и обязанностью.

Однако русскими учеными далеко не ограничивался состав ориенталистов, которых С. Ф. считал в числе связанных с ним в научном деле и в научном чувстве учителей. Как раз, наоборот, — именно за границей он нашел таких лиц, как Бюлер, Вебер, Пишель, Барт и много других,

¹ Так, его перу принадлежит ряд некрологов, один другого совершеннее: Минаева, Васильева, Залемана, Радлова, Березина, Потанина, Пржевальского.

² Изв. РАН, 1918, № 7.

³ Как ученик того же самого академика, могу больше, чем кто иной, засвидетельствовать безграничную правоту С. Ф. Объективным же и еще более грустным, чем личное, свидетельством этого тлетворного духа является вся история русской китаистики, и поднятой и надолго забытой одним и тем же ее учителем.

с которыми он постоянно общался в своих поездках за границу, или вел оживленную переписку, издание которой было бы для истории мирового востоковедения научною, ценной находкой. На их смерти он точно также всегда считал своим долгом откликнуться, и когда читаешь его блестяще оформленные глубокие оценки этих ученых, сразу видишь, какая разница между такою живою картиной живой жизни и некрологом, скомпилированным паспех по списку трудов умершего, разбитому на части и комментированному в размере элементарной компетенции. Так, например, в некрологе Огюста Барта,¹ в этом маленьком шедевре, посвященном ученому, которого С. Ф. во всей искренности считал настоящим, даже идеальным индианистом, мы можем ясно прочувствовать всю сложность отношений этих двух тонких людей,—отношений, дающих науке больше, чем сотни и тысячи оформленных, готовых и достаточно нейтрализованных страниц книги.

IV

Связанный таким образом со всею плеядой крупных востоковедов Запада, принадлежавших к поколению его учителей, — а это слово он всегда произносил с благоговением и благодарным чувством, — С. Ф., с исключительным, но столь свойственным ему усердием, и полный того предупредительного, открытого, твердого и приветливого дружелюбия, которое слишком всем нам известно и о котором мы так тосковали в те первые тяжелые дни его утраты, — полный лучших чувств и готовый поступиться чем угодно, даже из средств крайнего и последнего кредита человеку — С. Ф. искал связи со своими сверстниками, стараясь и сам втянуться в их работу и их втянуть в научную общественность. Он старался вытащить их, своих товарищей и друзей, из их кабинетов, где они, по примеру старших, старались забронироваться от неудобных им сквозняков, наполнить их мировую научную атмосферой, призвать к общей работе, в которой одна специальность связана с другою по плану, диктуемому временем и научными открытиями, от которых подлежит не обороняться, а учиться и к ним примыкать, чтобы плыть в потоке века, а не в болотной канаве. Н. Я. Марр² свидетельствует, — как один из друзей, товарищей и современников С. Ф., — что уже по выходе из студенчества С. Ф. сумел «организовать молодежь, искавшую свежих знаний, и делился своей широкой осведомленностью по востоковедной и вообще литературоведной работе на Западе». Не знаю, как другие коллеги, но я не запомню ни до меня, ни после моего выхода из университета

¹ Огюст Барт. Некролог, Изв. РАН, 1918, февраль.

² См. Юбилейный сборник, 1933 г., стр. 10—11.

никого, кто мог бы сыграть такую роль среди своих товарищей, пожелал бы потратить на это время и усердие, столь нужные тогда каждому из нас для быстрой подготовки к магистерскому экзамену и к двум диссертациям, для своей личной жизни и для своего личного успеха.

Таким путем С. Ф. был тесно связан со своими товарищами и современниками, организуя их в поколение, имеющее лицо, — все при помощи своего удивительного умения подойти к каждому, не вторгаясь в уклад его жизни, не враждуя с его особенностями, не мстя холодностью за неответ на приветливость, и вообще тщательно, какую угодно ценой, ища научного братства, в которое он верил до конца жизни.

Так же, как и в сношениях со старшим поколением, С. Ф. и в сверстниках своих не ограничивался соотечественниками, а понимал дело организованного сближения гораздо шире, и выражение «мы работали и работаем вместе», в применении к сверстникам-иностранцам было ему весьма свойственно. Особенною его любовью и дружеским почитанием пользовались благополучно здравствующие поныне профессора Леви (Sylvain Lévi) и Томас (F. W. Thomas): они свидетельствовали и свидетельствуют о той товарищеской инициативе сближения, которую С. Ф. распространил и на них, как на соотечественников.

Особенно характерно было влияние С. Ф. на его друга и моего учителя А. О. Ивановского, которого он сумел отвлечь от гибельных теорий акад. В. П. Васильева и добиться вывода его на более свежую воду. На почве буддологии он работал с ним рука об руку и, вероятно, добился бы превращения этого гениального по способностям китаиста в крупного ученого, если бы не тяжкий недуг, сведший А. О. в преждевременную могилу. Совершенно чуждый какой-либо зависти, а тем более профессиональной, С. Ф. старался всех своих сверстников так или иначе поставить по крайней мере рядом с собой, и мы видели пример того, как он, при крайней скудости востоковедных кафедр в Академии, провел в нее своими блестящими аттестациями — кстати сказать, более чем заслуженными — своего коллегу индианиста. Редкость подобной инициативы очевидна, конечно, не одному мне.

V -

Однако весь избыток своей энергии С. Ф. избрал потратить не на старших и сверстников, а на младшее поколение. Ему слишком хорошо была известна обстановка канцелярского факультета восточных языков, в которой выживали действительно наиболее к ней приспособленные, не

всегда совершенствуя, однако, своего вида. Уйдя сам от непосредственного преподавания, он сумел организовать в течение долгих лет и на долгие годы всю ту молодежь, что выходила из факультетских аудиторий ошарашенною и беспомощною. Ее он понимал больше, чем кто другой, ибо хорошо запомнил свои факультетские дни, о которых он много нам рассказывал и которые часто отравляли ему воспоминание об учебных годах. Сам будучи, так сказать, из породы людей новых (вне перевода этого выражения с латинского), ушедших навсегда от рутины и ферулы матерых факультетских знатоков, С. Ф. устремлялся, как всегда, сам навстречу всякому начинающему ученому, независимо от его специальности. Я лично никогда не забуду тусклого дня в полуподвальном помещении Азиатского музея, где я занимался, когда в музей вбежал молодым аллюром застегнутый наглухо розовый профессор и, осведомившись обо мне у ученого хранителя, быстро подошел и с чарующей любезностью сказал: «Ольденбург. Буду рад вас видеть, заходите (назначил день и час), побеседуем». Не знаю, как мои коллеги, но подобного отношения к себе, длившегося с тех пор вплоть до кончины С. Ф., я уже ни от кого не видел. Ведь, нужно же представить себе тогдашнюю обстановку, в которой, по характерному и более чем справедливому определению акад. Н. Я. Марра, человек, в звании «оставленного при университете» был, так сказать, «из беспризорного класса молодых научных работников», до знакомства с которым титулярии обычно даже не спускались. В такой обстановке куда легче было и дышать и разбираться, когда авторитетный ученый, без всякого меценатства и патроната, дарил начинающего, в порядке аванса и кредита, своим предупредительным дружелюбием.

Кроме того, любовь к молодежи у С. Ф. отнюдь не была демагогическим лозунгом, или показным трюизмом, как у столь многих иных, и точно так же лозунг смены, который не сходил с его уст в революционные годы, нам, знавшим его у С. Ф. и раньше, не был нов.

Раз взяв молодого человека в свой научный оборот, С. Ф. старался не выпускать его из поля зрения, постоянно приглашал к себе на дом, для совершенно простой и откровенной, но отнюдь не обывательской и не пустой беседы. Очень многих таких «беспризорных», вроде, например, меня,¹

¹ Весь университетский курс был для меня сплошной неудачей. В. П. Васильев умер, не дав нам, по своей дряхлости, буквально ничего. А. О. Ивановский сошел со сцены вместе с ним, точно так же оставив всех нас в полном недоумении. Д. А. Пещуров по старости тяготился преподаванием, давал мало часов и не справлялся с преподаванием. А. М. Позднеев покинул преподавание в Петербурге тоже еще в 1899 г. Как счастливо вышло, что как раз среди такой растерянности ко мне обратил слово приветом С. Ф.!

С. Ф. сумел вызвать из полосы отчаяния и унылого бессилия перед попытками к самостоятельному научному творчеству. Всем нам он, во всяком случае, привил противоядие от факультетского холодного стереотипа и направил в широкие международные горизонты.

Но особенно он был ценен в качестве напутствующего тех, кто собирался ехать в Европу или на Восток. Начать с того, что он первый старался эти поездки устраивать. Однако и при казенных командировках оставленных при университете он пользовался своими связями на факультете, чтобы дать командировке надлежащее направление. Так, при общем желании специалистов направить меня в 1904 г. прямо в Китай, он настоял на том, чтобы я перед этой поездкой непременно побывал на Западе, куда я и направился, снабженный его рекомендациями и аттестациями, сыгравшими на каждом моем шагу решающую роль. Таким же порядком был впоследствии ориентирован и наш безвременно погибший сочлен, акад. Б. Я. Владимирцов, а равно и многие другие. Всех нас С. Ф. сумел повернуть лицом к научной жизни как раз в ту минуту, когда анархическое коснение старших уже готово было заключить нас в свои верные, сотней лет испытанные объятия.

VI

Как известно, С. Ф. сам в Индии, — в стране своего непосредственного интереса, — никогда не был, как не были в соответствующих странах и другие выдающиеся ориенталисты (В. Р. Розен, Stanislas Julien, Abel Rémusat, R. Pissell и мн. др.). Тем не менее, своей позиции он не защищал. Наоборот, всегда об этом горевал, и всеми силами старался заводить переписку с деятелями на местах. В своем некрологе Н. Ф. Петровского¹ он с необыкновенной силой убеждения рассказывает историю подобных отношений, результатом которых, как известно, были все успехи С. Ф. в Ср. Азии. И даже все сколько-нибудь интересующиеся наукой наши дипломаты на Востоке (Петровский, Колоколов, Соков, Кротков, Лавров, Дьяков и т. д.) были с ним в оживленной переписке, производя по его инструкциям изыскания и снабжая его и всех нас добытым материалом. Много надо было иметь такта и убеждения, чтобы организовать восточников этого порядка, которые на Востоке быстро заменяли свою растерянность начинающих самоуверенностью знатоков. Наконец, Азиатский музей был свидетелем его собраний по вопросу об организации наших институтов в азиат-

¹ Памяти Николая Федоровича Петровского (1837—1908). Зап. Вост. отд. имп. Русск. археол. общ., т. XX.

ских странах зарубежного Востока, идея, ему особенно дорогая и, к сожалению, пока не осуществившаяся.

Внимание С. Ф. к людям на местах простиралось с особенной, пожалуй, силой на восточных людей, которых он точно так же стремился выволить из национальной рутины и втолкнуть в международную жизнь науки. Они были ему те же друзья и так же дороги, как русские и европейцы: этот человек обладал идейною нивелировкой больше, чем кто другой. Мы, конечно, все знаем, как, например, приняв участие в двух бурятах, едва не попавших в миссионерские объятия, С. Ф. воспитал их научно и выработал из них очень сильных и серьезных научных деятелей, до сих пор всеми нами уважаемых. Я, конечно, говорю о Цыбэне Жамцарановиче Жамцарано и Бадзаре Барадийновиче Барадийне, не упоминая о проф. Цыбикове и других. Мы все также знаем, что имя С. Ф. на Дальнем Востоке было окружено ореолом: его чтили все националы, с которыми он только ни сталкивался.

VII

Таким образом, организаторская и руководительская деятельность С. Ф. распространялась во все стороны и обнимала собою всех идущих на его призыв востоковедов. Рассмотрим теперь его как тип организатора, его принципы и методы воздействия.

Не оставивший, повидимому, после своей смерти никаких дневников (кроме научно-экспедиционных, конечно) и мемуаров, С. Ф., при своей открытости, не мог конечно не высказываться о месте организаторской деятельности ученого среди всякой другой, и я думаю, что он писал про *pro domo sua* нижеследующие строки из очерка, посвященного памяти и характеристике проф. В. А. Жуковского (стр. 2043): «...В то время, как ученые на Западе, благодаря более культурному общему уровню, имеют возможность всецело отдаваться научному труду, в России к ученым, хоть сколько-нибудь отзывчивым к нуждам общей культуры, предъявляется столько требований, что ученая работа их постоянно прерывается, не говоря уже о том, что и обеспечение науки и научных работников в России зависит и зависело от ряда случайностей, и в значительной мере от произвола власть имущих, ибо сознание важности и необходимости науки как основы всякой культуры, ясно в России, увы, весьма еще немногим». Если откинуть жалобу на необеспеченность научных работников, которая подавалась отнюдь не от лица писавшего, то я думаю, что нельзя было лучше охарактеризовать самого С. Ф., как человека отзывчи-

вого к нуждам общей культуры, хотя и эта характеристика далеко еще не полна, и С. Ф. не хотел, очевидно, ее распространять за пределы конкретного случая, им описываемого.

Русскою неорганизованностью и анархией, требующей вмешательства именно таких, как он, отзывчивых людей, С. Ф. возмущается печатно и не раз. Так, в статье 1918 г. об акад. В. П. Васильеве (стр. 534) он жалуется на «наше неумение организовать дело и пользоваться людьми знания: на Западе мы постоянно видим, как появление выдающегося специалиста является стимулом для предоставления ему возможности, путем создания кафедры, образовать школу, у нас же мы видели, с одной стороны, пустующие кафедры, с другой — специалистов, не находивших применения своим знаниям».

В частности, его удивляет неорганизованность в такой казалось бы стройной науке, как буддология, находившая себе адептов среди очень крупных ученых, и он опять возмущается судьбою научной инициативы В. П. Васильева и его наследия, явившейся все тем же печальным результатом русской неорганизованности.

В некрологе китаиста проф. Шаванна¹ (стр. 1778) он с особым удовлетворением подчеркивает убеждение этого крупного специалиста во «вреде для правильного развития науки от крайней индивидуализации отдельных ученых», и далее утверждает, что «небывалый рост науки в XX столетии сделал совершенно необходимыми организацию и плановость в научной работе, и те дисциплины, которые еще недостаточно восприняли эту, казалось бы, самоочевидную истину, являются в настоящее время отсталыми».

Таким образом, и это уже показывает, насколько С. Ф. был убежден в необходимости организаторской деятельности среди русских ученых. Эту миссию он взял на себя и выполнил ее с честью, как никто из нас ее выполнить бы не мог.

Начиная с того, что, отдавшись идее и делу организации, он не пошел по стопам многих других quasi-организаторов, делающих это дело как бы между делом и не особенно-то поступающих своим собственным делом и нужным для него временем. Уйдя из университета, он, как я уже говорил, всегда искал случая сблизиться с начинающими учеными. Когда же он был избран непрямым секретарем Академии, то он внес в понимание этой должности совершенно новые начала, и с 1905 г. можно утверждать, что деятельность Академии вступила в новый фазис. Гуманитарной

¹ Изв. РАН, 1918, № 16.

науке он, конечно, посвящал особые заботы, как ни трудно это было делать при тогдашнем и доселе продолжающемся преобладании наук физико-математических. В частности, востоковедению он мог уделять времени менее всего, и факт тот, что для этой группы дисциплин у него находилось чаще всего только время . . . отдыха.

И действительно, С. Ф., и по своей убежденности и по своей деятельности, тогда же занял среди востоковедов Петербурга совершенно особое положение, выработав в себе тип организатора, к которому следует приглядеться поближе. Ассоциируя это слово этимологически, можно с полным правом утверждать, что он понимал организаторскую деятельность как некую соединительную ткань между живыми, но чуждыми друг другу организмами. Это был организатор-тип, вдохновитель, инициатор, руководитель, учитель, воспитатель, товарищ и друг, — *the right man on the right place*, как совершенно правильно, если только вообще достаточно, выразился о нем в своей юбилейной речи-статье Н. Я. Марр. Это был организатор наиболее совершенного типа, стоявший чаще всего значительно выше организуемых им ученых, умеющий сам делать то дело, к которому он их звал, и лучше, и быстрее, и надежнее. Вместе с тем, соглашаясь с горечью в некрологе Н. Ф. Петровского, что этот ученый «как все люди действия, писал мало», С. Ф. вряд ли имел основание включить в число таких не пишущих людей и самого себя, ибо он сам писал много и чрезвычайно разнообразно. Нужно же все-таки помнить, что, во-первых, организаторская его деятельность требовала большого официального писательства (чего стоят одни его ежегодные отчеты по Академии, приготовленные и обработанные строчка за строчкой им самим, совершенный продукт научной современности!); так что, если собрать все то, что он написал, написал с чрезвычайной продуманностью и одаренностью, но что лежит в емких шкафах различных канцелярий, и прежде всего, в канцелярии самой Академии, то эта ценная документальная литература наверно превысит продукцию любого ученого; а во-вторых, если подсчитать, сколько времени потрачено им на чтение и исправление чужих работ, вовсе его не касавшихся, но им приведенных в должный вид, то окажется, что эта коллективная продукция, оставившая одного из членов коллектива анонимным и аморфным, при известной всем нам быстроте работы С. Ф. могла бы с другим поворотом руля привести к значительному усложнению и без того огромного списка его работ. Впрочем, ни мне ни кому другому не пристало выступать в роли апологета С. Ф., наследие которого в апологиях не нуждается.

Типичным для С. Ф., как организатора, является его постоянное, бодрое и настойчивое открывание людей как при жизни, так и по их смерти, когда он не хотел ограничиваться официальным некрологом, а писал убедительные, исторически важные характеристики. Он создавал положение всем тем, кого считал достойным и подходящим, даже среди общих возражений, но никто никогда не знал его креатур, ибо принцип «the right man on the right place» был ему, джентльмену с головы до ног, свойственен в самой чистой своей культуре. Впрочем — за одним исключением: находя в себе большое мужество кого-либо отстаивать, этот доброй души человек не находил в себе твердости кого-либо губить.

VIII

Сказанного достаточно, кажется, для обрисования типа организатора, каковым был С. Ф. Никто и никогда не распорядился бы так своею жизнью, как он, и его самоотвержение должно быть отмечено как типичное и для него и для созданной им деятельности.

Однако, как я уже говорил, в организаторский тип С. Ф. мощною струей входит тип учителя, руководителя, воспитателя, о котором он сам очень хорошо говорит все в том же очерке деятельности В. А. Жуковского (стр. 2040): «...Учительство требует известной экспансивности, известной властности, навязывающей, хотя бы в самой культурной форме, свое «я» другому, решимости брать на себя инициативу людских отношений, житейски говоря, итти, когда не зовут...» Я думаю, что это и было его *credo*: здесь он высказался полностью, и здесь разница между ним и преподавателями-бюрократами, которых принято называть учителями лишь по иерархической и возрастной дистанции, да и то или в юбилейном маразме, или в похоронном обязательном пиэстете.

Он был враг принципа *laissez faire*, господствовавшего, как я уже указывал, на Факультете восточных языков, и его деятельность, как антипод этой деятельности бюрократов, можно будет, я полагаю, назвать деятельностью ученого воспитателя учених.

Н. Я. Марр в своей юбилейной речи назвал С. Ф. «неугомонным деятелем по научно-организационным предприятиям, при многосторонности интересов и научных исканий». Это тем более справедливо, что также входит в тип организатора и руководителя, созданный С. Ф. среди нас: он именно был неугомонным организатором, далеким от типа организатора-сибарита, заседающего в собрании, дающего даже лозунг, но затем предоставляющего исполнение протокола секретарю и переписчицам. Нет, раз загорев-

шись инициативой, он от нее не отступал, он бывал чрезвычайно (но, конечно, не чрезмерно) настойчив и прослеживал выполнение своих заданий до конца. Вместе с тем он никогда не был патриотом исключительно своей инициативы, часто он увлекался и чужою и, раз увлекшись, также деловито ее обрабатывал. Наконец, он обладал талантом побуждения к инициативе, — которая, вообще, была всегда в порядке его дня, — даже самых косных и инертных людей, и без его участия, думается мне, многое осталось бы в том самом недвижимом состоянии, против которого он так горячо всегда ратовал.

Как руководитель научных предприятий, С. Ф. был особенно на месте и незаменим. Для примера (ибо перечень всех этих предприятий пока не в моей программе) приведу знаменитые экспедиции П. К. Козлова, которые были и намечены и вдохновлены и руководимы во всех своих статьях и направлениях С. Ф. Как известно, вообще экспедиции куда бы то ни было, а тем более в Азию были его детищем.

В результате всех этих инициаторских мероприятий, проводимых с упорством и неотступностью десятками лет, С. Ф. как бы прирос к созданному им же для себя амплу организатора: он стал везде желанным необходимым руководителем. Без него вообще не обходилось ни одно крупное академическое предприятие, а, как мы все знаем, его деятельность давным давно переросла даже ту академическую, которую он расширил за время своего управления Академией до полной ее неузнаваемости. Он считал себя человеком трезвой практики, и в той части, которая касалась его предприятий, он был безусловно прав, ибо никогда не создавал предприятий благодушно-химерических, о которых приятно по-маниловски совместно помечтать и после этого со вздохом очарования или разочарования разойтись. Все его предприятия опирались на наличность сил и возможностей — и почти все удавались с честью для науки и для их организатора.

IX

Остановлюсь теперь на некотором опыте характеристики тех принципов отбора людей, которого, вероятно, держался С. Ф. В первую очередь его, естественно, интересовали востоковеды, так или иначе группирующиеся возле Академии, а он старался именно к Академии привлекать всех научно способных ориенталистов. Однако ими он отнюдь не ограничивался, и в район его притяжения попадали как все представители его собственных специальностей, т. е. индианисты, тибетанисты, иранисты, буддологи, так и все изучающие Среднюю Азию и Сэриндию, археологи и искусствоведы

со стороны, поэтологи, фольклористы (особенно сказочники всех толков и типов), путешественники, особенно школы Пржевальского, музееведы, и многие другие, т. е. иначе говоря, очень многие представители гуманитарных наук, обычно в одном человеке не единящихся. Для других специальностей он высоко ценил рекомендацию уважаемых им специалистов, но не прятался за нее, как это очень часто делалось, а относился к ней объективно и с должною критикой. Люди с новым образом мыслей интересовали его прежде других, и вообще новое востоковедение, поскольку этот термин имеет сам на себя право, идет целиком под его знаменем. Особенно действительна была его помощь тем из нас, которые, вроде меня, например, по выходе из университета, чувствовали себя смущенными и растерянными, без руководителя и твердой программы. Многие из нас ему вообще обязаны всем, что имеем.

Гораздо труднее охарактеризовать тот общий тип людей, которыми интересовался С. Ф. и которых он брал в свою обработку, ибо, право, наметить их группы я был бы не в состоянии. Повидимому, вообще все востоковеды, и за ними и столь многие, так или иначе к ним примыкающие, как-то имели на него право. Но он шел еще гораздо дальше и утверждал, например, что в каждом человеке, вообще, есть интересное: надо только добыть его внимательным к нему отношением. Всякий видел невероятное разнообразие людей, к нему приходивших, с которыми он имел терпение беседовать; и даже печатно (в некрологе А. В. Потаниной) он умилялся вниманию своих друзей к совершенно не интересным людям. Мне известны примеры, когда он добивался установления прекрасных отношений с нелюбимыми и застенчивыми, даже когда эти люди определенно его сторонились и избегали. Он брал от каждого то положительное, что этот каждый в себе имел, и во имя этих крупниц охотно мирился с трудными характерами: более того, всегда их защищал, если на чашке его весов были гири каких-либо их достоинств. Ставке на сильных он был определенно чужд, склоняясь скорее к обратному, что вызывало во многих разочарование, недоумение и критику его выбора друзей. Факт, конечно, что он в людях ошибался, но, во-первых, не так часто, а во-вторых, всегда в сторону переоценки, но не недооценки. Но можно указать определенные категории людей, к которым С. Ф. относился недружелюбно: это были люди скрытные, интриганы всех толков, рутинеры, виверы, карьеристы, безраздельные обыватели и т. д. В ученом С. Ф. допускал двойственную природу, но в таком случае требовал больших научных достоинств, которые могли бы уравновесить видные ему недостатки.

Понимание как можно большего числа востоковедов (и всех других ученых, конечно) стояло у него в плане. Он интересовался и читал не только то, что бывало ему принесено, но требовал, чтобы ему давали рукописи, даже черновые. Он читал то, чего никто обычно не читал, как вещь не стоящую, и я видел не раз, как он не только интересовался, казалось бы, далеким от него предметом, но прямо жил чуждою ему книгою, ассоциируя ее достоинства самым неожиданным образом. Этим путем он, действительно, имел ключ ко всем нам, которые друг друга читаем довольно небрежно, и во всяком случае, не так, как это делал С. Ф. Он знал каждого из нас документально, и при расстановке сил никогда не ошибался. Можно, наконец, утверждать, что общественное мнение востоковедов и о востоковедах создавалось всегда, если и не исключительно им, то им главным образом.

Х

Можно и следует также утверждать, что вся организаторская деятельность С. Ф. среди востоковедов шла исключительно под флагом науки. Выше я уже упоминал, как он показывал, я думаю, всем пример отсутствия нездоровой конкуренции среди собратьев по специальности. У него был выработан особый термин для характеристики тех именно лиц, которых он ценил выше личного вкуса и пристрастия. Это были слова: точный ученый. Впрочем, на эту тему написано у него немало некрологов, хотя бы из числа цитированных мною. Можно смело рекомендовать их для прочтения всем начинающим востоковедам, как знаменующие собою отход востоковедения от старых традиций литературы знатоков к новой традиции знатоков, научно умелых.

С. Ф. не терпел обывательских бесед. Язык его общения был исключительно научный. Куда бы он ни приходил, он сейчас же, сложив пенсне известным всем нам своим характерным жестом, сейчас же искал книг и рукописей, чтобы завязать беседу исключительно о книге. Он требовал и от нас полного подчинения личности, живущей многообразными внешними интересами, исключительно науке. В его представлении ученый должен быть своею наукою воспитан: он должен выработать свой нравственный и общественный облик в точной пропорции к своим научным достижениям. Сколько раз приходилось слышать от него весьма горькие слова осуждения тем, в ком он видел печальное расхождение этих двух фазисов одной и той же личности! Во всяком случае, он неутомимо, без всяких замалчиваний, боролся с обывательской пошлостью, засасывающей науку, и, полный такта во всем, довольно резко обрывал беседу, клонящуюся к обывательским пересудам.

Новым веяниям в науке С. Ф. шел навстречу с какою-то любовью, и, пожалуй, подчас без должной настороженности, но охотно выслушивал возражения, изменял свою точку зрения, подчинялся более его компетентным, сохраняя, однако, весь пиетет к настоящему ученому, независимо от усваивания или неусваивания его теорий.

В конце концов, при всей своей видимой мягкости, С. Ф. был человеком твердых линий, далеко не всегда приемлемых для его друзей, которым он в этих линиях не поддавался. Точно так же все видели примеры его определенных выступлений против друзей во имя научной правоты, как бы ни было это выступление им неприятно. Наконец, при чтении наших статей и корректур, С. Ф. высказывался без обиняков, отделяя общую доброжелательность от научного критицизма.

Однако, во всех этих своих нападках С. Ф. был всегда точен, не любил резких общих характеристик и особенно «все сметающих суждений» (по его выражению, *sweeping statements*), близких к непримиримости и нетерпимости, которые были не в его характере и вызывали в других его резкое осуждение.

Будучи типичным агитатором в научном деле и обладая, к тому же, редким государственным умом, С. Ф. и здесь умел соблюдать золотую середину.

Ратуя за науку, С. Ф. ратовал, прежде всего, за ее полноту, ибо наука не знает извинений и ограничений. Сам стоя в курсе всего западного востоковедения, он требовал того же и от всех нас, и его первым вопросом к пришедшему в его кабинет был неизменно один и тот же: Вы знаете о (такой-то) новой книге? Книга тут же демонстрировалась и безоговорочно сужалась. Он принадлежал к плеяде ученых ориенталистов, искавших компромиссного решения спора о востоковедении. С одной стороны, он считал востоковедение как бы единой дисциплиной — во всяком случае, достаточно характерной; с другой, он сам отходил от нее во все стороны, ища опоры во многих соседних гуманитарных дисциплинах, в увлечении которыми он, в конце концов, о востоковедении даже забывал. Однако, если наше поколение превратилось из восточников в востоковедов и содействует этому превращению своих аудиторий, то очень крупная роль принадлежит этому неугомонному агитатору, врагу элементарных требований и пониманий, ненавистнику рутин и схоластики.

В связи с этим, как уже неоднократно отмечалось писавшими и говорившими о С. Ф., стоит основная его пропаганда живой, органической связи Востока с Западом. Будучи сам востоковедом на западных началах, евро-

пеец по культуре, по воспитанию и по самовоспитанию, он, однако, ориентировался, не увлекаясь западничеством, исключительно на Восток, и никакое заигрывание с Востоком, идущее мимо прямого восприятия идей из его книжной культуры и источников, не встречало его одобрения, хотя бы вся западная продукция данным любителем Востока и была усвоена и учтена. Кроме того, он ориентировался на отечественную продукцию в первую очередь, западником не был и зарывавшихся западников всегда осаживал. Будучи вообще человеком золотой середины, он в этом отношении иногда переходил границы и видел в отечественных достижениях больше, чем то допускали хорошо ему известные пропорции, и патриотическое начало бывало иногда расцвечено достаточно сантиментальными оттенками.¹

Но, конечно, его роль в европеизации Востока и востоковедной России, в вовлечении и Востока и России в схемы общей мировой культуры, в борьбе с неумеренностью восточников, с одной стороны, и востоковедов западного толка с другой — несомненно достаточно определена и крупна.

ХІ

Перехожу теперь к системе его личного общения и руководства, как я лично ее в нем наблюдал. Впрочем, всякий из тех, кто пользовался его гостеприимством по воскресеньям, подтвердит, что, убивая единственно свободное время на приходящих, он не только делал это без сожаления, но, наоборот, поощрял стесняющихся отнимать от него дорогое время и ничем посещение не ограничивал. Всякий помнит эти утра, когда С. Ф. в своей блузе носился по кабинету в поисках книг для посетителя или сидел с поджатою ногой и слушал посетителя, да и вся обстановка его кабинета состояла из двух раскрытых столов, лишенных всякого не только ученого комфорта, но даже простого удобства (например, они были почти без ящиков), простых книжных полок, без всяких «глубокоуважаемых шкафов», вообще без какого-либо признака трафаретного, так называемого ученого кабинета, с его массивным комфортом импонирующей и давящей бессмысленной роскоши.

На личное общение путем корреспонденции С. Ф. тратил, в конце концов, много, слишком много времени. Все мы знаем, как опасен для научных задач этот гибельный путь, но для организатора, каковым был по

¹ Так, в уже цитированных мною не раз его некрологах В. П. Васильева и В. А. Жуковского, он старательно ищет в этих ученых какого-то торжественного и особо русского начала, сам отлично зная, какую цену это начало было куплено, и сам же описывая катастрофу обоих ученых.

существо С. Ф., другого выхода не было, и при оценке его деятельности, эту именно деятельность надо и пропорционально и полностью учесть. Интересуясь каждым из своих корреспондентов, он обижался, когда некоторые, не желая загромаждать его столы своими реляциями, сокращали их до минимума. Этот человек не мог и не хотел в чем-либо ограничивать свою организаторскую деятельность.

Но едва ли не самую типичною ее чертою была система убеждения и уговаривания строптивых спорщиков, и там, где другой потерял бы охоту к убеждению, С. Ф. настаивал до последних моментов и был доволен, когда его убеждения, в конце концов, действовали. При этом выбор лиц, обрабатываемых им таким образом, был попрежнему весьма спорен, и этой своей привычке он отдавал порой слишком обильную дань.

Однако там, где нужно было долго убеждать разных лиц, чтобы наладить работу, там С. Ф. был незаменим и неподражаем. Как заметил в своей речи И. А. Орбели, С. Ф. умел учить, не поучая. Действительно, он просто вставал в работу вместе с данным лицом, и скорее советовал, чем учил.

С. Ф. легко сближался и редко с кем расходился — во всяком случае сближение у него происходило легче, чем расхождение. Он глубоко переживал утрату людей, ему хорошо известных и дорогих. Особо характерны в этом отношении его строки в биографии А. В. Потаниной (стр. 220): «с каждым, который от нас уходит, — пишет он, — мы хороним часть своего я, тем большую, чем ближе нам был человек, хороним ее безвозвратно, если даем умереть в себе памяти о том, кто ушел».

Однако его принципиальная благожелательность была очень далека от безразличной, и помогая каждому иногда в размерах и формах, чрезвычайно редких среди нас,¹ не позволяя в своем присутствии вообще злословить и резко (поскольку он был, вообще, на резкость способен) осаживая злословящих по адресу лиц, ему дорогих, — он все-таки делал выбор, хотя и не всегда понятный. Ложным самолюбием он не обладал, и сам шел навстречу букам, нелюдимым, застенчивым и даже к относившимся к нему с явною и ему известной неприязнью. Во всяком случае, нетрудно вспомнить одно тяжелое заседание, в котором он был грубо оскорблен одним из зарвавшихся молодых ученых, и тем не менее, он не только сохранил с этим человеком нормальные отношения, но и возмущался теми, которые свои

¹ О денежной его помощи, вероятно, очень многим никому из нас прямо неизвестно. Но можно утверждать, зная его жизнь, что свое большое по тому времени содержание он на себя не тратил, довольствуясь лично всегда очень суровым минимумом

отношения с этим лицом порвали. Впрочем, мне известен случай, когда он выгнал из своего кабинета одного *soi-disant* ученого вне всяких столь свойственных ему вообще убеждений и представлений.

Общий принцип личного и всякого другого воздействия, им применявшийся и всегда исповеданный, был: *suaviter in modo fortiter in re*. Деловая приязнь, — вот как собственно, надо расшифровать этот его лозунг в его же исполнении.

XII

Рассмотрю еще, как проводил С. Ф. идею коллективной работы, которой он всегда был искренне предан, хотя исповедание этой его веры среди анархических индивидуалистов, встречавшихся в его время среди востоковедов, далеко не всегда звучало. И, действительно, чувствовалось, что он вообще враждебен замыканию ученого в своем кабинете, в своей программе, в своем материале, который, будучи привезен однажды с Востока, залеживался в кабинете десятками лет, разрабатываясь отдельными, часто бессвязными пачками. Сам С. Ф. в этом отношении уклонился в другую крайность, и, как известно, не имел времени разработать свои собственные материалы, но за то он всем желающим предоставлял их в пользование, и вообще их у себя в кабинете почти не держал.

Его идеей было братское общение всех востоковедов. Они должны были, прежде всего, друг друга и друг о друге знать. Я уже упоминал о его воскресных собраниях, где эта идея осуществлялась, по моему, идеально. Однако он не ограничивался этим единением людей, идущих навстречу его идее. Кто не знает, что не только среди востоковедов, но и всюду С. Ф. вызывали немедленно для улажения конфликтов и для обработки скверных характеров, стремительно портящих академическое дело? И это ему всегда удавалось. К тому же, самая манера С. Ф. знакомить одного с другим, всегда с неизменно благожелательной и вместе с тем твердо обоснованной предпосылкой, с характеристиками, настолько осторожными и вместе с тем твердыми, что, будучи повторены буквально, они существовали и в открытом и в закрытом виде без всякого налета интриги и злословия, лести или обиды. Он читал всех и требовал понятного всем языка как в изложении, так и в переводах. Он считал, что все пишут для всех, а не только для лиц, владеющих условным шифром и опирающихся на текст как на документ, считая при этом перевод вещь малосущественной и тем менее обязательной. Вообще можно сомневаться, чтобы принудительное подчас столкновение между собою людей, особенно хмурых,

нелюдимых, давало большие результаты; можно также отрицать существование Ольденбургского коллектива как организации, но нельзя отрицать, что люди, сторонившиеся его и общения, им проводимого, носят на себе некоторый общий отпечаток.

Все знают, что организации, им созданные, жили и живут полною жизнью. Достаточно упомянуть, не перечисляя всех, хотя бы Институт востоковедения, родившийся из Азиатского музея, которому он еще до Революции придал особый, дотоле немислимый характер широкого учреждения, научно-исследовательского института и лаборатории. Как известно, Азиатский музей все время при нем был средоточием всего востоковедения, так что Институт востоковедения был только новою фазою старого существа, а Коллегия востоковедов, отпавшая при создании Института востоковедения, была, действительно, как и числилось «при Азиатском музее», одним из видов его открытых собраний.

Редким примером деятельности организатора являлась всегда его исключительная аккуратность. Он являлся на заседания раньше всех, весь полный научного настроения. Во время заседания, волнуясь и упрекая неаккуратных, он выслушивал всех до конца, никогда никуда не отлучаясь и не покидая зала заседания ранее его окончания. Заседаний он, вообще, не пропускал.

О формах международного единения ориенталистов, инициатором или исполнителем которых он являлся (*Bibliotheca Buddhica*, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии), сказано до меня, и мне остается подтвердить еще раз реальность этих предприятий, весьма способствовавших укреплению международного значения нашей Академии.

За границей С. Ф. не изменял себе: он искал всюду коллектива. В 1923 г. в Берлине он почти не имел времени для индивидуальных занятий, посвятив себя целиком научно-организационной работе.

XIII

Перехожу теперь к характеристикам реакций на него лично и на его деятельность со стороны наших и заграничных востоковедов. Придется для этого повторить, что С. Ф. был везде нам нужен и желателен. Никакое крупное и медкое востоковедное научное предприятие без него было прямо немислимо, до и лично без совета с ним, особенно в трудных случаях, редко-кто-либо решился бы, и не за страх, а за совесть, что-либо предпринять, а некоторые из нас без него вообще ни делали ни шагу, и было как-то удобно и приятно сознавать, что *ultima ratio* все-таки за С. Ф.!

Вообще, кажется, не считающихся с ним востоковедов не было, но были сопротивлявшиеся его инициативе, которых пугала его неугомонность, требовательность, повышенный интерес к ничем не зарекомендовавшим себя людям, которые в научном общении часто только мешают, а снабженные Ольденбургским патентом на внимание ведут себя вне должных пропорций и т. д. Замкнутые и самонадеянные не реагировали на его призывы, боясь высказываний, которых С. Ф. в том или ином виде требовал для выяснения дела и обстановки. Были и враги, считавшие его деятельность не эквивалентную научной кабинетной и излишне демонстративной.

Но среди молодежи С. Ф. ни врагов, ни сопротивляющихся влиянию, повидимому, не знал, если не считать очень редких, равнявшихся по кабинетному ранжиру своих учителей и поставивших себя в изоляцию узкого специалиста.

XIV

Теперь мне остается лишь рассмотреть, — хотя после высказанного это уже будет не очень ново, — какими ресурсами располагал этот человек в своей личности, чтобы так долго влиять на своих коллег и на наше общее дело. Я уже говорил, что как организатор он ни в ком не вызывал отрицательной критики и насмешки, ибо звал к делу, которое сам умел делать — и насколько лучше, чем многие и многие! Вообще он был совершенно несоизмерим со столь хорошо известными нам энергичными организаторами. С другой стороны, он не был организатором-сибаритом, бросающим лозунги и затем спокойно созерцающим *laissez faire, laissez passer*.

Но едва ли не движущим все секретом было его личное обаяние, которое парализовало иногда даже имевших против него нарекания. Его такт и внимание, память, позволявшая среди тысячи мелькающих лиц, их имен, отчеств и фамилий никого не забывать и никого ни с кем не смешивать; широта его интересов, кругозора и отбора знакомств, культурность и простота, доведенные до идеального совершенства и безупречности, джентельменство редкой полноты, веселая ласковость в обращении, приветливость и доброжелательность, образцовая вежливость, — одновременно и принципиально продуманные и весьма непосредственные — товарищеские отношения вне сравнений, воинствующий оптимизм, — все это, подкрепляемое всем известным Ольденбургским крепким и определенным пожатием руки, в отличие от столь обычных дряблых взаимопритрагиваний, все это действовало, конечно, и на многих и на всех.

Он первый приходил на помощь в тяжелых случаях и в общественных и личных, его доброта была неискушенной, даже в тех случаях, где просители заслуживали скорее изгнания из помещения, чем какого то ни было внимания. Он был доступен всем, в ущерб и своей работе и своему отдыху, и своему, в конце концов, здоровью. Начальник без начальнических окриков и аллюров, предпочитавший действовать настойчивым убеждением, он всех подкупал своею простотой и доступностью.

С. Ф. был лишен крайностей и враг крайних людей, что не мешало повторять, ему самому быть воинствующим оптимистом. Я уже указал пример его борьбы с воинствующим критицизмом à tout prix (у акад. Васильева) с пессимизмом вообще.

Его бескорыстие никогда не подвергалось даже отдаленным сомнениям. Никто и никогда не видел его ставившим какие-либо особые условия оплаты своего труда, хотя никто из распоряжавшихся кредитами никогда не отказал бы ему ни в чем. Но зато я знаю лично примеры его протеста против своей зарплаты, казавшейся ему преувеличенной, и отказов получить помещенную в ведомостях и причитающуюся ему зарплату. Это был, несомненно, бесребренник, как последовательный тип. Характерно, что при жизни С. Ф. все эти большие в сущности вещи были как-то в тени его других достоинств.

С. Ф. был, как джентльмен, ярим противником житейщины типа *do ut des*. Он не измерял своих отношений к людям инициативой других в отношении к нему. Он уклонялся от всех своих, кроме последнего, юбилеев и вообще не терпел повышенных своих характеристик. Он был чужд зависти, интриги, активной ненависти но главное, засасывающей среды и обывательщины. Он был поборник простоты, очень часто утрированной, скромной жизни, жизни без вещевого засилья и загромождения, и даже без врачебно-обывательской регулярности. Его никто не видел развлекающимся в театре, в концерте, на вечере, вечеринке или в так называемых «гостях». Я видел, как зайдя в лондонский театр, он вдруг оттуда стремительно ушел, хотя обычная английская пошловатость театра не доходила в данной пьесе до больших градусов. Он был вообще нечуток к анекдоту, который всегда строится на беспринципном смехе, а тем более, к анекдоту двусмысленному, и враг вообще какой бы то ни было расхлябанности, халатности, распушенности, попустительства, кумовства, неразборчивости и засилья среды. Я думаю, что он своим примером и убеждением спас многих от влияния квартиры, вещей, «гостей» и прочих довольно твердых оболочек обывательской среды, в которых распариваются, демобилизуются и иммобилизуются ученые организмы.

С. Ф. был демократ по убеждению и по поведению. В нем не было ни тени генеральства, и его ближайший друг-иностранец, узнав от меня, что он по чину и положению (дело было в 1912 г.) генерал, от удивления громко вскрикнул. Он был враг формальностей, не считался с обывательскими праздниками, никого не ездил поздравлять, ни от кого не принимал никаких поздравлений. Он был доступен критике, откуда бы она ни шла, и на негодную травлю (напр., в «Новом Времени») не реагировал.

С. Ф. был преданный друг, о своих чувствах говоривший ясно и определенно, а в своем поведении их обнаруживавший до конца. При этом он допускал всевозможные разногласия, переходившие иногда в тяжелые сцены, как между родными людьми, и обычным дружеским обращением в его устах было как раз это слово: «слушайте, родной мой!»

Наконец, пример его работы с самого раннего утра до самой поздней ночи, — работы, проводимой с феноменальной четкостью и быстротой, пример его безукоризненно отделанных статей и книг не мог не действовать на окружающих.

XV

Итак, вот прошла пред нами одна из многих полос жизни достойного ученого. Теперь, когда его уже нет, и невольно до сих пор рождающийся рефрен: «надо поговорить с С. Ф.» уже не звучит, как-то не находишь слов для передачи чувства создавшейся безысходной неуютности.

Он занимал среди нас совершенно особое место, весь распластавшись по нашему неровному фронту во имя единства и силы в единстве.

История востоковедения может быть написана только с полным учетом всех его писаний, и то, что востоковеды, при всей своей малочисленности, играли и продолжают играть немаловажную роль в нашей науке и общечеловеческой ответственности, в значительной степени обязано его энергии и его уму. С его смертью востоковедный комплекс как будто опять склонен к распаду, но те новые кадры востоковедов, которые ныне приходят к науке с уже готовым миросозерцанием, а не идут пассивно вслед научному материалу, несомненно, создадут совсем иной фронт для научных завоеваний. Однако их речи и статьи точно так же свидетельствуют скорбь об утрате учителя и руководителя, и это признание за старым специалистом права на непосредственное преемство в наши дни звучит особенно убедительно, и так приятно им закончить эту попытку характеристики, узкой и недостаточной, отошедшего от нас всем нужного, всем дорогого, всеми признаваемого учителя, руководителя и друга.